

Цзинь Яо злился лишь в тот день, а после, казалось, остыл.

Только вот когда позже он хотел прикоснуться к А-Яо, тот не позволял ему даже приблизиться.

Неужели всё ещё сердится?

Чао Цы не мог понять наверняка и побежал спрашивать совета у старшего брата.

Его брат, Чао Цзюэ, выслушав сбивчивый рассказ младшего, мгновенно догадался, почему Цзинь Яо воротит нос.

Всего лишь болезненный выскочка без рода и племени — стоило оказать ему немного внимания, как он возомнил о себе невесть что?

Чао Цзюэ усмехнулся про себя, но виду не подал, ответив своему ничего не понимающему брату, что Цзинь Яо, вероятно, просто не любит большого скопления людей.

Такой отговоркой вряд ли можно было обмануть кого-то умнее, но Чао Цы, который даже не знал, что такое ревность, поверил безоговорочно.

Он подумал: раз так, то надо распорядиться, чтобы все наложницы перестали приходить к нему с утренними приветствиями.

Но даже после этого Цзинь Яо, казалось, не перестал сердиться.

Однако Чао Цы по-прежнему часто забегал к нему.

Он считал, что такой небожитель, как Цзинь Яо, должен обладать утонченным вкусом.

Поэтому он повсюду искал редкие картины и антиквариат, то и дело прибегая к Цзинь Яо, словно с ценными подношениями.

Например, однажды он раздобыл набор для игры в го, вырезанный из превосходного теплого нефрита. Чао Цы специально несколько дней учился играть, а потом, сияя от радости, помчался к Цзинь Яо. Он преподнес ему этот дар и стал настойчиво упрашивать сыграть партию.

Результат, разумеется, был предreshен: Чао Цы проигрывал партию за партией, пока в конце концов не надул губы и не расстроился:

— А-Яо, ты совсем мне не поддаешься.

Цзинь Яо приподнял бровь. Подумав о том, что Чао Цы — всего лишь обычный смертный, он и так поддался на восемь долей. Но даже при таком раскладе, против игрока, который схватился за обучение в последний момент, ему было трудно проиграть.

— Мастерство слабое, а характер при проигрыше еще хуже, — Цзинь Яо не собирался потакать Чао Цы и, держа в пальцах фишку, сделал очередной ход.

Очередная партия закончилась поражением Чао Цы.

— Не хочу знать, А-Яо, ты должен мне компенсировать! — увидев, что снова проиграл, закричал Чао Цы. — Я же учусь всего пару дней!

— И как же мне компенсировать? — даже не подняв глаз, равнодушно спросил Цзинь Яо.

— Накажу тебя тем, что ты больше не будешь на меня сердиться! — заявил Чао Цы.

Услышав это, Цзинь Яо опешил.

Наконец, уголки его губ тронула едва заметная улыбка — то ли довольная, то ли насмешливая.

— Ты и твои наложницы... вы делили ложе? — спросил Цзинь Яо.

В день свадьбы этот мальчишка явно ничего не смыслил, был неопытным и робким. Но это противоречило факту наличия у него целого гарема... Он хотел знать, дурачит ли его этот человек или есть иная причина.

— Делили ложе? — щеки Чао Цы постепенно залились краской. — Это значит... с ними, с ними...

— Было или не было? — Цзинь Яо смотрел на него, голос его звучал низко.

— Как такое возможно? Я же их не люблю, — Чао Цы, чье лицо уже пылало, поспешно замахал руками.

— Не любишь их? — повторил Цзинь Яо. — Тогда зачем взял в дом?

— О-они... они красивые, — пробормотал Чао Цы.

— Ты женился на мне тоже потому, что я красивый, значит, и меня ты не любишь? — тон Цзинь Яо стал еще ниже и медленнее.

— Нет, нет, — поспешно начал объяснять Чао Цы. — Я люблю А-Яо. Все вокруг говорят, что у мужчины должно быть много жен и наложниц, раньше меня постоянно этим поддевали. Вот я и попросил людей найти девушек из приличных семей...

В прошлом году ему исполнилось шестнадцать. В древности это был уже не детский возраст, особенно в эпоху войн, когда у шестнадцатилетних юношей часто уже были дети. Он же даже не знал женской ласки, и те «друзья-приятели» часто потешались над ним. В сердцах он велел найти себе женщин и поселил их во внутреннем дворе.

С тех пор, если он видел красивую девушку с трагической судьбой, то тоже забирал ее в дом. В конце концов, семья Чао могла позволить себе их содержать, а иметь во дворе толпу красавиц — разве это не улада для глаз?

Цзинь Яо, услышав это, нахмурился, его взгляд потемнел:

— То есть ты никогда не делил с ними ложе?

Чао Цы кивнул.

— А спал с ними в одной постели? Как мы в день нашей свадьбы?

Чао Цы покачал головой:

— Нет, нет! Я люблю только А-Яо!

— Можешь не разгонять их, если не хочешь, но впредь не смей к ним приближаться, — сказал Цзинь Яо. — Если сможешь это исполнить, я перестану на тебя сердиться.

Чао Цы яростно закивал.

Улыбка на губах Цзинь Яо стала чуть более искренней.

Он изначально не считал, что злится. В конце концов, был ли этот мальчишка влюбчивым или невинным, его это не слишком-то касалось.

Он думал, что вместо того, чтобы тратить время на него, лучше поскорее преодолеть это Испытание чувств.

Но раз уж этот малец сам поднял тему, он решил спросить.

Кто бы мог подумать, что результат окажется совсем не таким, как он ожидал.

Хотя Цзинь Яо и не мог объяснить почему, но настроение его определенно улучшилось.

Одиннадцать областей Северного края, хоть и назывались областями, на деле были самостоятельными государствами.

Когда-то один могущественный правитель объединил Север, но его потомки оказались неспособны удержать власть, и спустя сто лет империя распалась. Каждая область провозгласила своего короля, а императорский род остался лишь номинальным.

Прошло еще несколько сотен лет, конфликты между областями не утихали, вспыхивали войны, а императорская династия была окончательно уничтожена в ходе одного из сражений.

Последние сто лет на Границе Демонов было беспокойно, и в мире людей всё чаще возникали хаос и смута.

Столетние распри достигли своего пика, повсюду полыхало пламя войны, и в такие смутные времена человеческая жизнь не стоила и гроша.

Но в семье Чао всё это казалось далеким. Беззаботный младший господин только и делал, что каждый день увивался за своим возлюбленным, искал способы порадовать его, а время от времени гулял с кучкой друзей — вот и вся его жизнь.

Однако под давлением обстоятельств показное процветание в конечном итоге оказалось хрупким.

Спустя полгода после свадьбы Цзинь Яо и Чао Цы область Шанхуачжоу напала на Цзиньюньчжоу. Цзиньюньчжоу выставила тридцатитысячную армию, а также призвала десять тысяч ополченцев.

Семья Чао была знатным родом. За сотни лет правители областей сменялись не раз, но знатные семьи, обладая глубокими корнями, оставались незыблемыми. Как бы ни менялась

власть, новые правители всегда относились к ним с почтением. Война или мир — изначально это не касалось семьи Чао.

Именно так думал Чао Цы.

Но его старший брат пришел попрощаться, заявив, что отправляется на войну.

Чао Цы не понимал этого и не хотел отпускать брата. Те несколько дней он даже перестал докучать Цзинь Яо, каждый день ходил за Чао Цзюэ, умолял, плакал, надеясь, что брат откажется от этого намерения.

На его взгляд, пока они сидят в главном городе, даже если область Шанхуачжоу прорвется сюда, им ничего не грозит. Но отправиться на границу — это же верная смерть.

Отец, увидев, как он изводит брата, специально позвал его и велел оставить Чао Цзюэ в покое.

Чао Цзюэ готовился к походу, дел было невпроворот, и Чао Цы действительно только мешал.

Не сумев убедить брата, Чао Цы принялся хитрить с отцом:

— Граница — это так опасно! Я не могу убедить старшего брата, но ты ведь его отец, почему ты не отговоришь его? Тебе что, сыновей не жалко?!

Отец лишь тяжело вздыхал.

Величие знатных семей в конечном итоге оказалось подобно ряске на воде, не имеющей корней. В эпоху великой смуты все сбросили маски, и теперь истинной ценностью была лишь военная сила, а не старые титулы.

Чао Цзюэ хотел попытать счастья на поле боя. Хоть отец и не хотел его отпускать... но когда рушится гнездо, уцелеют ли яйца? Даже если больно отпускать, придется.

Понимал его Чао Цы или нет, но Чао Цзюэ всё равно ушел на войну.

Фронт терпел поражение за поражением, и через год от Чао Цзюэ не осталось вестей — жив он или мертв, никто не знал.

Прошел еще месяц, и вражеская армия ворвалась в главный город.

Это была ночь полного хаоса. Войска вломились в город, на севере вспыхнуло зарево пожаров, слуги разбежались, повсюду слышались крики и плач. Отец Чао Цы исчез, и в момент, когда юноша в растерянности не знал, что делать, человек в черном схватил его за руку и сказал:

— Идем со мной!

— Куда... куда?

— Прочь из города, спасать жизнь.

— Но отец еще не пришел... — Чао Цы был в смятении.

— Глава дома уже не придет. Он наказал мне забрать тебя, — ответил человек в черном.

Чао Цы словно громом поразило. Он понял, что означают эти слова.

У человека в черном не было времени на уговоры, он потянул юношу за собой.

— Пстой! — сказал Чао Цы. — А-Яо, мы должны забрать А-Яо!

С этими словами он бросился во внутренний двор Цзинь Яо.

В тот момент слуг в доме Цзинь Яо уже не было. Цзинь Яо в одиночестве сидел за каменным столом, сжимая в руке те самые нефритовые фишки, которые подарил ему Чао Цы, и перед ним была разложена шахматная доска.

Он смотрел на густые клубы дыма на севере и постукивал фишкой по камню.

Мир людей погрузился в такой хаос... Похоже, Граница Демонов не продержится долго.

Вскоре мысли его прервал звук распахнутых ворот. Он обернулся и увидел бегущего к нему Чао Цы, который схватил его и потянул за собой.

Человек в черном появился в дверях двора, и, увидев их, повел к заднему двору.

За искусственной горкой находился тайный ход.

Когда они вошли внутрь, человек в черном сунул Чао Цы немного денег и еды.

— Юный господин, берегите себя, — сказал он.

— Мой отец... что с ним стало? — спросил Чао Цы, глядя на него покрасневшими глазами.

Человек в черном поджал губы:

— Юному господину лучше не спрашивать.

Он с силой захлопнул дверь тайного хода, напоследок бросив:

— Скорее уходите!

Тайный ход вел в густой лес за городом, и Чао Цы с Цзинь Яо благополучно выбрались наружу.

Они бежали долго, покинули область Цзиньчжоу и после нескольких месяцев скитаний добрались до провинции Даюэ, где пока не было войны.

В пути они наткнулись на банду разбойников, которые отобрали у них большую часть денег. К счастью, у тех осталась капля человечности — они стали разбойниками лишь от безысходности, поэтому не тронули их жизни и даже оставили немного монет.

Однако к тому времени, как они добрались до Даюэ, денег почти не осталось.

А у Цзинь Яо была застарелая болезнь. Дорожные тяготы привели к тому, что его здоровье, которое с таким трудом удалось немного поправить, снова ухудшилось, и он почти слег.

У Чао Цы оставался еще нефритовый кулон, он заложил его в ломбарде, чтобы купить лекарства для Цзинь Яо.

Но болезнь требовала длительного лечения, а тех лекарств хватало лишь на крошечный срок.

Чао Цы понимал, что они не могут вечно жить на сбережения, к тому же здоровье Цзинь Яо не выдержит долгого ожидания.

Он повсюду искал работу, но большинство хозяев отказывали ему, видя, что он изнеженный господин, привыкший жить в роскоши. Лишь спустя несколько дней его согласились взять в одну харчевню.

Работать на побегушках на кухне, в первый месяц жалованье вдвое меньше. Если покажет себя хорошо, тогда повысят.

Раз согласились взять, и на том спасибо — Чао Цы был не в том положении, чтобы привередничать, и радостно согласился.

Он был готов к трудностям, но для юного господина, который восемнадцать лет рос в неге и заботе, даже при самой тщательной психологической подготовке, внезапно оказаться на самой низкой ступени и выполнять черную работу было невыносимо тяжело.

Хотя за эти дни он ради выживания выучил кое-какие кулинарные азы, этого едва хватало, чтобы еда была съедобной, до уровня повара харчевни было далеко. Поэтому его заставили носить воду, подавать блюда, мыть посуду и рубить дрова. Чао Цы впервые узнал, что коромысло с двумя полными ведрами воды может быть таким тяжелым. После трех ходок плечи были стерты в кровь, но он даже не знал об этом, да и времени проверить не было. Он лишь молча возвращался и шел за следующей порцией.

Плечи невыносимо болели, коромысло врезалось в мясо. Ноги дрожали, ступни горели огнем.

Часть воды шла на мытье посуды — в тазу лежали сотни тарелок. Уже наступила предзимняя пора, на Севере в это время часто шел снег.

Стоило опустить руки в воду, как пробирал ледяной холод. Через час мытья руки покраснели и, казалось, потеряли всякую чувствительность.

Закончив дневную работу, он должен был вынести помои. Тянув тяжелую тележку, ноги, которые ныли еще с утра, снова отозвались острой болью.

На полпути он едва не поскользнулся.

Сцепив зубы, он изо всех сил тянул тележку, глаза постепенно наливались кровью.

В харчевне он боялся плакать от пронзительной боли, боясь, что управляющие увидят это, превратят в посмешище и он лишится этой с трудом добытой работы. Но теперь, когда вокруг никого не было, в крошечной тьме, его слезы вырвались наружу.

Крупные капли падали на землю, он не мог сдержать рыданий.

Но в душе он всё равно твердил себе, что плакать не из-за чего.

В смутное время нет ничего дешевле слез и слабости. Он потерял отца и брата, и теперь

единственное, что он может сделать, — это спасти себя и А-Яо.

Закончив дела, Чао Цы вернулся в их с Цзинь Яо жилище.

Это была довольно опрятная комната в кирпичном доме. Как бы тяжело ни было, Чао Цы помнил слова врача о том, что Цзинь Яо нельзя переохлаждаться, поэтому, сжав зубы, снял это жилье.

Когда он вошел, Цзинь Яо всё еще лежал на кровати. Он действительно сильно заболел и последние дни с трудом мог подняться.

— Ты вернулся, — услышав звук открываемой двери, Цзинь Яо с трудом приподнялся.

Чао Цы поспешил помочь ему и с беспокойством спросил:

— А-Яо, как ты сегодня себя чувствуешь?

Задавая вопрос, он взглянул на стол у кровати, где стояли каша и гарнир — к ним почти не притронулись.

Это была еда, которую Чао Цы приготовил для Цзинь Яо утром перед уходом.

Чао Цы обеспокоенно нахмурился:

— Почему ты ничего не ешь? Разве так можно?

— Нет аппетита, — ответил Цзинь Яо.

Он не притворялся больным — его тело действительно было на грани истощения. Еда казалась безвкусной, к тому же его постоянно тошнило.

Цзинь Яо тысячи лет обходился без зерновой пищи — пигу, и питаться обычной едой в мире людей для него было тяжким испытанием, а теперь, когда состояние ухудшилось, он и вовсе не мог проглотить ни куска.

Он не хотел продолжать этот разговор и перевел тему на Чао Цы:

— А ты как сегодня?

— Всё хорошо, — улыбнулся Чао Цы. — У меня язык подвешен, хозяйка и управляющие ко мне добры, дают самую легкую работу. Теперь мы точно не пропадем.

Цзинь Яо внимательно осмотрел его: руки юноши были в ссадинах и покраснениях, глаза покраснели и опухли.

Вероятно, и на других частях тела полно ран.

Он поджал губы, сердце сжалось от странного чувства.

Столько перенес, а вернувшись, не сказал ни слова. Думает, что сможет скрыть правду...

Чао Цы не стал задерживаться на этой теме, сощурил свои глаза-персики и сказал Цзинь Яо:

— Пора ужинать, я сейчас приготовлю, заодно заварю сегодняшнее лекарство. После еды и

лекарства я помогу тебе встать, врач сказал, что постоянно лежать тоже вредно для выздоровления.

Цзинь Яо кивнул в ответ.

Чао Цы пошел готовить, и через время вернулся с едой.

Он поставил блюда на стол, помог Цзинь Яо встать с кровати и сесть.

Затем нашел верхнюю одежду и накинул на плечи Цзинь Яо.

После этого он сел напротив и, заметив, что Цзинь Яо не сводит с него глаз, спросил:

— А-Яо, почему ты на меня смотришь? Ешь скорее, не голодай.

Однако Цзинь Яо вдруг протянул руку и стер что-то с его щеки.

Чао Цы глуповато коснулся своего лица:

— Ч-что такое?

— Грязь, — сказал Цзинь Яо.

Чао Цы почесал затылок:

— Наверное, случайно испачкался, не заметил.

Он учился готовить всего пару дней, и самое сложное для него — разводить огонь. В первый раз он чуть не расплакался от дыма, и хоть сейчас уже худо-бедно справлялся, это стоило больших усилий, так что испачкаться в саже было обычным делом.

Выражение лица Цзинь Яо стало сложным.

Раньше этот ребенок носил только лучшие наряды, ел только изысканные блюда, его окружала толпа слуг, и никто не смел расстраивать его хоть в чем-то.

Проработав некоторое время, Чао Цы обнаружил, что денег всё равно не хватает. Лекарства для Цзинь Яо хоть и не были драгоценными, но стоили недешево, а прерывать курс было нельзя.

Подумав, что, хоть особых талантов у него нет, он хотя бы грамотен и пишет недурно, он обошел несколько книжных лавок и, не стесняясь, взялся за заказы на переписывание текстов.

Каждый день, вернувшись и позаботившись о Цзинь Яо, он полночи сидел при свечах, переписывая свитки, и ложился спать лишь после полуночи.

В пять утра он уже вставал, наскоро готовил еду для Цзинь Яо и бежал в харчевню.

Вечером Цзинь Яо лежал в постели. У кровати мерцал тусклый желтый свет.

Он знал, что это Чао Цы сидит за столом и пишет.

Он не понимал, почему юноша готов ради него на такое.

Больше года он даже доброго слова почти не сказал этому мальчишке.

Он приподнялся, откинул полог и молча наблюдал за юношей.

Чао Цы поднял голову и, увидев, как Цзинь Яо смотрит на него, поспешно сказал:

— А-Яо, ложись скорее, поздно ложиться вредно для здоровья.

— Ты и сам знаешь, что это вредно, — произнес Цзинь Яо.

Чао Цы замер.

Цзинь Яо смотрел на юношу: темные круги под глазами особенно выделялись на бледном лице, в глазах полопались сосуды. Он понимал, что юноша спит так мало, что его организм уже работает на пределе возможностей.

<http://bllate.org/book/22189/2312422>